

— Бедная Сашенька! Все эти четыре часа она проторчала на улице, изнывая от неизвестности. Хорошо хоть, что этот февральский день был не морозный, с оттепелью, да можно было в дежурное помещение милиции забежать, посидеть, погреться. Сашенька бросилась ко мне.

— Ну как? Что? Почему так долго?

— Всё нормально. Славно побеседовали, - улыбнулся я. - Подожди, дай отдышаться, расскажу.

— Меня слегка пошатывало. Всё-таки нервное напряжение сказывалось, не каждый день такие встречи происходят. По дороге в Ладушкин я всё подробно рассказал Сашеньке, а вечером дома - ещё раз всей компании.

— Общее впечатление от моего рассказа было, что вроде бы ничего страшного. Похоже, что кроме письма Раскольникова и "Доктора Живаго" у них ничего больше нет, но точно неизвестно. Лужбин, по первому впечатлению, вроде бы не вредный мужик. Это уже много. Оставалось решить, что нести к нему в понедельник. Ясно, что не всё. Что запрятано, пусть там и лежит. Не хватало ещё им Даниэля показывать. А из того, что осталось дома, я решил отвезти только то, что назвал Лужбину. И так стопка порядочная получилась.

— Выходные я провёл на заливе. Рыбалка отвлекала от всяких волнений, но полностью освободиться от мыслей о предстоящем новом визите к Лужбину не удавалось. Скорее бы всё это кончилось.

— Утром в понедельник у Лужбина меня ожидали не двое, как в прошлый раз, а трое. Третий - видный мужчина лет 50-ти, тоже в штатском, представился как подполковник (или даже полковник - не помню точно) такой-то. Тогда мне его фамилия не запомнилась. Почему-то теперь мне кажется, что Александров. Не тот ли, который нынче возглавляет областное управление госбезопасности? Не исключено. Во всяком случае тогда я сразу догадался, что это - чин из Калининграда, из областного управления, рангом значительно выше Лужбина. Держался он по-настоящему начальственно.

— Ну, что Вы нам привезли? - первым задал вопрос Лужбин. Я выложил своё добро: фотокопии "Дьяволиады", "Роковых яиц", машинописные экземпляры Письма съезду писателей и "Крестного хода" Солженицына, ксерокопию "Похождений Чичикова".

— Началось рассматривание. С фотокопиями всё было более или менее ясно. Они предварялись титульными листами, на которых было указано издательство ("Недра") и год издания (1925-й). Это были действительно фотокопии с официальных советских изданий 20-х годов, и придраться к ним было трудно.

— Весьма заинтересовала моих "собеседников" ксерокопия "Похождений Чичикова". Тогда ксерокопирование только начинало, внедряться и, по-видимому, им было ещё неизвестно. Лужбин и Александров (будем его так называть) разглядывали страницы, почти идентичные журнальным, но чистые с одной стороны.

— Это откуда?

— Из журнала "Сельская молодёжь", один из прошлогодних номеров.

— А почему только на одной стороне напечатано?

— Я пожал плечами.

— Ишь, прямо из типографии таскают. Что им нужно, отпечатали и вынесли, - заключил Александров.

— Я не стал их разубеждать. Из типографии, так из типографии.

— Ну, и откуда Вы всё это взяли? - спросил Александров.

— Купил на чёрном рынке.

— А где конкретно?

— Чаще всего в скверике на Литейном проспекте, напротив магазина "Подписные издания". Иногда на углу Невского и Герцена, около букинистического магазина.

(Спекулянты, действительно, там крутились. Правда, сам я с рук ничего не покупая, но видел, как шла эта торговля.)

— Ну, и как Вам понравился Юрий Живаго? - вдруг сменил тему Александров.

— Я понял, что речь идёт не о романе вообще, а конкретно о докторе Живаго, как личности. Находясь по инерции под впечатлением нашей первой встречи с Лужбиным, я пустился в некие рассуждения. Мол, сам Живаго - личность слабая, но он ещё и попал под жернова истории, а в других обстоятельствах был бы вполне хороший человек.

— Тут меня прервали. Точнее, прервал - Александров (дядя из Калининграда, как я его потом называл, рассказывая о нём нашей компании).

— Неужели неясно, что это гнилая личность? И что весь роман - антисоветский? Ведь там же красные и белые на одну доску ставятся!

— Я притих.

— А это? - потряс Александров письмом Солженицына к съезду писателей. - Это же изменник! Я сам его здесь в конце войны брал. Это - немецкий агент! И мало он сидел, мало ему дали. Ишь, лагеря ему не понравились. Он что думал - это санаторий? А Вы? Вас чему учили? На Вас государство ради чего деньги тратило? Чтобы эту пачкотню распространять?

— Дядя разошёлся. Он метал громы и молнии. Никакими дискуссиями уже не пахло. Сегодня рассусоливать со мной не собирались. Мне дали чистый лист бумаги и велели писать объяснительную записку.

— О чём? - спросил я.

— О том, откуда взяли, кому и зачем давали "самиздатовскую" литературу, и о Вашем отношении к этим своим действиям.

— Тут же за столом Лужбина, который, кстати, сегодня, в основном, помалкивал, я стал писать сей документ. Конечно, мне трудно воспроизвести его теперь дословно, но суть была примерно такова.

— "Я, такой-то, интересуюсь литературой, собираю домашнюю библиотеку. В этих целях в период с 1965-го по 1968-й год приобретал с рук в Ленинграде у букинистических магазинов на Литейном проспекте и улице Герцена произведения Раскольников, Булгакова, Пастернака, Солженицына (перечислил, какие: те, что принёс), не опубликованные в открытой советской печати. В этих произведениях я не нахожу антисоветской пропаганды. С законом, запрещающим чтение и хранение не изданных в открытой печати произведений литературы, я не знаком и ничего предосудительного в своих действиях не нахожу. Названные произведения читал вслух у себя дома и в гостях, а также давал читать знакомым: Одушевой, Тихомировым, Шагимуратову, Суходольской, Силячевской, Васильевой, Чмырёву."

— Лужбин и Александров прочитали моё сочинение. Александров аж позеленел. Он ткнул пальцем в мой листок и заорал:

— Вы что тут Ваньку валяете? Какой Вам ещё *з а к о н* нужен? У нас есть меры общественного воздействия!

— Я молчал.

— Он что-то такое ещё кричал, потом успокоился, дал мне ручку и велел:

— Пишите.

— Что писать?

— "Обязуюсь впредь сообщать..."

— Что сообщать?

— О тех, кто приносит и предлагает такие вещи.

— Этого я не могу обещать.

— Почему?

— Не хочу Вам врать. Мало ли кто что принесёт и предложит? Неужели Вы сами поверите, если я это даже сейчас и напишу, что тут же побегу доносить в органы?

— Ну, как хотите.

___ Похоже, им стало ясно, что меня безнадежно воспитывать, в этом кабинете, по крайней мере.

___ Мой листок убрали в сейф. Отдали Булгакова и письмо Раскольникова.

___ - А "Живаго"? - спросил я.

___ - У нас останется.

___ Солженицына тоже не отдали. А ведь это было ещё до публикации им на Западе своих произведений и открытой кампании против него в советской печати.

___ Воспоминания Раскольникова Лужбин обещал вернуть, когда прочтёт.

___ - Подумайте хорошенько над своим поведением, - сказали мне на прощание.

([продолжение следует](#))